
СИЛЬВИЯ
СИНКЛЕР
Иногда правда
опаснее лжи...
Сегодня
каждый
узнает
ПРАВДУ

Сильвия Синклер
Сегодня каждый узнает правду

https://litres.ru/74734978
SelfPub; 2026

Аннотация

В старинном поместье Эшфорд-Холл сегодня соберутся те, кому есть что скрывать.

После загадочной смерти главы семьи, Александра Эшфорда, его наследники получают приглашение на оглашение завещания. Среди них — двадцатичетырёхлетняя Изабель Морган, девушка, которая никогда не считала себя частью этой семьи. Но почему её имя оказалось в последней воле покойного?

За высокими стенами поместья хранятся тайны, которым не одно десятилетие. Здесь каждое воспоминание может оказаться ложью, каждое признание — ловушкой, а семейные узы — самым опасным оружием.

Изабель предстоит узнать, кем на самом деле была женщина, которую она называла матерью, что произошло в последнюю ночь жизни Александра и почему некоторые люди готовы на всё, лишь бы правда никогда не вышла наружу.

Сегодня каждый узнает правду. Но все ли переживут эту встречу с ней?

Содержание

Глава первая. Письмо 4
Глава вторая. Двенадцать приглашённых 16
Глава третья. Женщина на фотографии 30
Глава четвёртая. Чужое имя 45
Глава пятая. Ребёнок из прошлого 63
Глава 6. Письмо из прошлого 78
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Сильвия Синклер
Сегодня каждый узнает правду

Глава первая. Письмо

Сегодня каждый узнает правду.

Я перечитала эту фразу трижды, прежде чем поняла, что именно в ней меня напугало.

Не слово «правда». Не обещание, которое оно содержало. Даже не странная уверенность, с которой неизвестный отправитель написал эти три слова на плотной кремовой бумаге.

Меня испугало слово «каждый».

Потому что я слишком хорошо знала: в нашей семье были вещи, о которых не говорили даже наедине с собой.

Письмо лежало на кухонном столе рядом с остывшей чашкой кофе. Оно пришло утром, без обратного адреса, в обычном белом конверте. Моё имя было выведено от руки — аккуратным почерком, с едва заметным наклоном вправо.

Мисс Изабель Морган.

Я не сразу решилась его открыть. Сначала осмотрела конверт, проверила почтовый штемпель, провела пальцем по

сгибу. Это было бессмысленно, но иногда бессмысленные действия помогают отсрочить то, чего мы боимся.

Внутри находился один лист.

«Мисс Морган,

настоящим приглашаем Вас прибыть в поместье Эшфорд-Холл в субботу, 14 ноября, для участия в оглашении последней воли Александра Эшфорда.

Ваше присутствие обязательно.

Некоторые обстоятельства, связанные с семьёй Эшфорд, касаются Вас непосредственно. Полагаем, пришло время Вам узнать правду.

С уважением,

Генри Блэквуд

семейный поверенный».

Я отложила письмо.

Александр Эшфорд.

Я знала это имя. Разумеется, знала. Его фотография несколько раз появлялась в газетах, а год назад новость о его смерти даже попала в вечерние выпуски. Владелец одного из старейших поместий Корнуолла, представитель древнего английского рода, человек, чьё состояние, как писали журналисты, могло сравниться с состоянием небольшого города.

Но я никогда не встречала его.

По крайней мере, так я считала.

Я поднялась из-за стола и подошла к окну. За стеклом моросил дождь. Соседский сад выглядел бесцветным, деревья стояли неподвижно, а на мокром асфальте отражались окна домов напротив.

В обычное утро я, вероятно, выбросила бы письмо. Решила бы, что произошла ошибка или кто-то затеял глупую шутку.

Но внизу листа было написано ещё кое-что.

Я заметила это не сразу.

На обороте, почти у самого края, стояла короткая приписка. Чернила были темнее, а почерк — совершенно другим.

«Не позволяй им говорить за Анну».

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

Анна.

Моя мать.

Она умерла шесть недель назад.

И с тех пор я старалась не произносить её имя слишком часто. Не потому, что боялась расплакаться. Скорее потому, что после её смерти дом стал наполнен вещами, которые я не могла ни выбросить, ни оставить без внимания.

Её очки всё ещё лежали на прикроватной тумбочке. В шкафу висело серое пальто, которое она надевала каждую осень. На полке стояли книги с загнутыми уголками страниц. Я даже не решилась поменять постельное бельё в её комнате.

Но была одна вещь, которую я не могла забыть.

За три дня до смерти Анна позвала меня к себе. Она уже

почти не вставала с кровати, говорила тихо и иногда надолго замолкала, словно теряла нить разговора.

В тот вечер она попросила закрыть дверь.

— Изабель, — сказала она, — если однажды тебя спросят, кто ты такая, не отвечай сразу.

Я тогда решила, что это действие лекарств. В последние дни её мысли становились странными, а воспоминания перемешивались.

— Мам, о чём ты?

Она долго смотрела на меня.

— Ты не должна им верить.

— Кому?

Но Анна отвернулась к окну.

Больше она к этому разговору не возвращалась.

Теперь я снова прочитала приписку.

«Не позволяй им говорить за Анну».

Я села и достала телефон. Набрала номер, указанный в письме. После нескольких гудков ответил мужской голос.

— Юридическая контора Блэквуда. Слушаю вас.

— Доброе утро. Меня зовут Изабель Морган. Я получила письмо относительно завещания Александра Эшфорда.

На другом конце провода наступила короткая пауза.

— Мисс Морган. Рад, что вы позвонили.

— Я хотела бы узнать, почему меня пригласили.

— Это будет объяснено в субботу.

— Мне кажется, я имею право знать заранее.

— Безусловно. Но распоряжение мистера Эшфорда было совершенно определённым. Все приглашённые должны узнать содержание его последней воли одновременно.

— Все приглашённые? Сколько их?

— Двенадцать.

Я невольно усмехнулась.

— Вы хотите сказать, что двенадцать совершенно незнакомых мне людей должны собраться в одном доме ради завещания?

— Не все они незнакомы друг с другом, мисс Морган.

— А я?

Снова пауза.

— Именно поэтому ваше присутствие особенно важно.

Мне не понравилось, как он произнёс эти слова. Спокойно, почти сочувственно, словно заранее знал, что мне предстоит услышать.

— Вы знали мою мать? — спросила я.

На этот раз молчание затянулось.

— Анну Морган?

— Да.

— Я предпочёл бы не обсуждать этот вопрос по телефону.

— Почему?

— Потому что не всё, что содержится в документах мистера Эшфорда, предназначено для обсуждения до оглашения завещания.

— Значит, она была связана с этой семьёй?

— Мисс Морган, я настоятельно рекомендую вам приехать.

Он попрощался прежде, чем я успела задать следующий вопрос.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом положила его на стол и посмотрела на письмо.

Всё это было слишком странно. Слишком похоже на начало истории, которую обычно рассказывают о ком-то другом.

Но я уже знала: в субботу поеду в Эшфорд-Холл.

Не ради наследства. Не ради любопытства. И даже не ради человека, которого никогда не знала.

Я поеду ради Анны.

Потому что, если её имя было вписано в чужую семейную историю, я хотела знать почему.

Дорога до Корнуолла заняла почти пять часов.

Я выехала рано утром, когда город ещё спал под низким серым небом. Чем дальше я удалялась от привычных улиц, тем меньше встречалось машин. Дорога петляла между холмами, мимо каменных оград и небольших деревень, где за запотевшими окнами домов уже горел тёплый свет.

Я несколько раз пыталась включить радио, но каждый раз выключала его через минуту.

Мне хотелось думать.

Однако мысли возвращались к одному и тому же: почему Александр Эшфорд упомянул меня в завещании?

Ведь я была всего лишь Изабель Морган. Дочь Анны Мор-

ган. Девушка, выросшая в небольшом доме на окраине города, не имевшая ни состояния, ни титулов, ни малейшего представления о жизни людей, чьи фамилии печатают на страницах светской хроники.

И всё же кто-то решил, что я должна присутствовать на оглашении завещания.

Когда навигатор сообщил, что до пункта назначения осталось три мили, дождь усилился.

Вскоре показались высокие каменные ворота.

На чёрной металлической табличке серебряными буквами было написано:

ASHFORD HALL.

Я остановилась перед ними.

За воротами начиналась длинная дорога, обсаженная старыми деревьями. Их ветви переплетались над проездом, образуя тёмный свод. В глубине виднелось поместье.

Эшфорд-Холл.

Я ожидала увидеть красивый старинный дом. Возможно, величественный, немного мрачный, как на фотографиях в журналах.

Но реальность оказалась другой.

Поместье выглядело не просто старым. Оно казалось покинутым временем. Серый камень потемнел от дождей, высокие окна отражали бесцветное небо, а башня с часами возвышалась над главным корпусом, словно наблюдала за каждым, кто приближался к дому.

Я вышла из машины.

Ветер сразу ударил в лицо.

На секунду мне показалось, что за одним из окон кто-то стоит. Тёмный силуэт, неподвижный, почти неразличимый за стеклом.

Я моргнула.

Окно было пустым.

— Вы мисс Морган?

Я обернулась.

У ворот стоял пожилой мужчина в тёмном пальто. Он держал над головой зонт и смотрел на меня с таким выражением, словно ждал гораздо дольше, чем несколько минут.

— Да.

— Добро пожаловать в Эшфорд-Холл. Меня зовут Томас. Я управляющий поместьем.

Он открыл ворота.

Я вернулась в машину и медленно въехала на территорию.

У главного входа меня уже ждали.

Генри Блэквуд оказался мужчиной лет шестидесяти с аккуратно подстриженными седыми волосами и безупречно завязанным галстуком. Его лицо показалось мне знакомым, хотя я была уверена, что никогда прежде его не видела.

— Мисс Морган, — произнёс он, протягивая руку. — Благодарю, что приехали.

— У меня было мало причин отказаться.

Он едва заметно улыбнулся.

— Понимаю.

Я оглянулась на поместье.

— Все уже здесь?

— Почти все. Некоторые гости прибыли вчера.

— И все они знают, зачем я приглашена?

Генри посмотрел на меня поверх очков.

— Боюсь, мисс Морган, этот вопрос лучше задать им самим.

Он открыл массивную входную дверь.

Внутри пахло воском, старым деревом и чем-то ещё — едва уловимым запахом сырости, который бывает в домах, где слишком долго не открывают окна.

Холл был огромным. На стенах висели портреты людей в старинных костюмах. Их лица казались удивительно похожими: прямые носы, светлые глаза, тонкие губы. Над камином располагался большой портрет мужчины с холодным взглядом.

Я остановилась.

— Александр Эшфорд? — спросила я.

— Да.

Я долго смотрела на изображение.

У него были светлые глаза и выражение человека, привыкшего получать ответы раньше, чем задавать вопросы.

— Вы знали его? — спросил Генри.

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

Адвокат не ответил.

Из соседней комнаты послышались голоса.

— Позвольте проводить вас в гостиную. Остальные гости уже собрались.

Я сделала несколько шагов вслед за ним, но вдруг остановилась.

На маленьком столике у стены стояла фотография в серебряной рамке. На ней была изображена молодая женщина с тёмными волосами.

Я узнала её мгновенно.

Анна.

Только на фотографии она была гораздо моложе — лет двадцати, не больше. На ней было светлое платье, волосы свободно лежали на плечах, а на губах играла улыбка, которую я помнила с детства.

Я подошла ближе.

Под фотографией стояла небольшая карточка.

На ней было написано:

Анна. Лето 1998 года.

— Откуда у вас эта фотография? — спросила я.

Генри обернулся.

Когда он увидел, на что я смотрю, его лицо изменилось. Совсем немного, но я заметила.

— Вы знали, что ваша мать бывала здесь? — спросил он.

— Нет.

— Тогда, полагаю, вам многое предстоит узнать.

Я повернулась к нему.

— Генри, кто такая Анна для семьи Эшфорд?

Он несколько секунд смотрел на меня, словно решал, стоит ли отвечать.

Наконец произнёс:

— Это вопрос, который я надеялся, вы зададите.

И в этот момент из гостиной вышел мужчина.

Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина. Его лицо было суровым, почти непроницаемым.

Он посмотрел на меня.

Сначала с удивлением. Затем — с чем-то похожим на тревогу.

— Кто позволил ей приехать? — спросил он.

Генри выпрямился.

— Джеймс, прошу вас.

— Я задал простой вопрос.

Мужчина снова посмотрел на меня.

— Вы должны уехать, мисс Морган.

Я не успела ответить.

— Джеймс, — произнёс Генри значительно строже. — Не сейчас.

Но Джеймс словно не услышал его.

— Вы не понимаете, куда приехали, — сказал он мне. — И уж точно не понимаете, что здесь произошло.

— Тогда, может быть, вы объясните?

Он приблизился на шаг.

— Поверьте, вам лучше ничего не знать.

Я посмотрела на него, потом на фотографию Анны.

— Странно. Сегодня мне уже второй раз говорят именно это.

Джеймс побледнел.

И впервые за всё время я увидела в его глазах не раздражение и не высокомерие.

Страх.

Он знал мою мать.

И, судя по всему, боялся того, что я могла о ней узнать.

В гостиной раздался звон бокала. Кто-то попросил всех занять места.

Генри поправил манжету и тихо произнёс:

— Полагаю, нам пора начинать.

Я ещё раз посмотрела на портрет Александра Эшфорда.

Мне вдруг показалось, что его нарисованные глаза следят за мной.

Я приехала в этот дом, чтобы узнать правду о своей матери.

Но теперь у меня возникло другое подозрение.

Возможно, именно моя мать когда-то стала причиной того, что эта семья научилась молчать.

И, возможно, её смерть была не концом этой истории.

А началом.

Глава вторая. Двенадцать приглашённых

В гостиной было двенадцать кресел.

Я пересчитала их дважды, прежде чем сесть. Не знаю почему. Наверное, мне хотелось убедиться, что число из разговора с Генри Блэквудом не было случайным.

Кресла стояли полукругом перед камином. В центре комнаты находился длинный стол, на котором были разложены папки, несколько конвертов и старинные часы под стеклянным колпаком. Огонь в камине почти не давал тепла, но его потрескивание заполняло неловкие паузы.

Я выбрала место ближе к окну.

Отсюда можно было видеть входную дверь и большую часть комнаты. Мне хотелось понимать, кто входит и выходит. В незнакомом доме это казалось разумной предосторожностью.

Джеймс Эшфорд сел напротив меня.

Он больше не пытался заговорить. Лишь время от времени бросал короткие взгляды, словно проверял, не исчезла ли я ещё.

Рядом с ним расположилась женщина в тёмно-синем платье. Ей было около пятидесяти. Безупречная причёска, тонкие жемчужные серьги, прямой взгляд. Она держала спину

так ровно, будто даже кресло не имело права нарушить её осанку.

— Элеонора Эшфорд, — представил её Генри, заметив мой взгляд. — Вдова Александра.

Женщина слегка кивнула.

— Вы дочь Анны Морган?

Я не успела удивиться тому, что она знает моё имя.

— Да.

— Понятно.

Она произнесла это так, будто получила подтверждение давно известному факту.

— Вы были знакомы с моей матерью? — спросила я.

Элеонора поправила браслет на запястье.

— В этом доме многие были с ней знакомы.

— Но вы?

Она посмотрела на меня.

— Достаточно, чтобы помнить её.

Ответ не был ответом. Я уже начинала привыкать к этому.

В комнату вошёл молодой мужчина с растрёпанными светлыми волосами. На вид ему было чуть больше тридцати. Он держал в руке стакан с водой и выглядел единственным человеком в доме, которому было совершенно безразлично, как он выглядит.

— Простите, — сказал он, опускаясь в кресло. — Я заблудился в собственном доме. Хотя, если честно, после смерти отца здесь всё стало чужим.

— Оливер Эшфорд, — тихо произнёс Генри.

Оливер посмотрел на меня.

— А это, должно быть, наша неожиданная гостья.

— Изабель Морган.

— Знаю. Ваше имя сегодня уже успело испортить настроение нескольким людям.

Он улыбнулся, но в улыбке не было веселья.

— Не обращайте внимания. Здесь все немного нервничают.

— Вы тоже?

— Я? Я давно перестал надеяться на хорошие новости.

Он сделал глоток воды и откинулся на спинку кресла.

Вскоре появились остальные.

Я не запомнила их имена сразу. Слишком много лиц, слишком много рукопожатий, слишком много вежливых фраз, за которыми скрывалось откровенное любопытство.

Седой мужчина с тяжёлым подбородком представился двоюродным братом Александра. Худощавая женщина в очках — дальней родственницей. Ещё двое оказались людьми, которых я не смогла бы назвать членами семьи, но, судя по тому, как они держались, имели к Эшфордам отношение не меньшее, чем кровные наследники.

Последней вошла женщина в сером костюме.

Она была высокой, с короткими светлыми волосами и лицом, на котором почти не отражались эмоции.

Увидев Джеймса, она остановилась.

— Виктория, — произнёс он.

— Джеймс.

Они обменялись взглядами, которые длились чуть дольше, чем требовала обычная вежливость.

— Вы знакомы? — спросила я у Оливера.

Он наклонился ко мне.

— Виктория Хейл. Когда-то она собиралась стать частью нашей семьи. Но некоторые планы имеют неприятную привычку рушиться.

— Она была невестой Джеймса?

Оливер чуть приподнял брови.

— Вы быстро собираете сведения.

— Я просто слушаю.

— Продолжайте. Здесь это полезнее, чем говорить.

Виктория заняла место рядом с Элеонорой. Та не повернулась к ней, но её пальцы крепче сжали подлокотник.

Я посмотрела на часы.

Без пяти двенадцать.

— Все собрались? — спросил кто-то.

Генри Блэквуд поднялся.

— Да. Благодарю вас за терпение.

Он встал у камина, открыл папку и снял очки.

— Прежде чем мы приступим к оглашению завещания Александра Эшфорда, я должен напомнить, что все присутствующие были приглашены лично по распоряжению покойного. Ни одно приглашение не было отправлено случайно.

— Это мы уже поняли, — сухо заметил Джеймс.

Генри не обратил на него внимания.

— Мистер Эшфорд оставил подробные инструкции относительно сегодняшней встречи. Он распорядился, чтобы все присутствующие выслушали его последнее обращение полностью, без перебиваний и обсуждений.

— Он и после смерти продолжает командовать, — пробормотал Оливер.

Элеонора бросила на него предупреждающий взгляд.

Генри вынул из папки плотный конверт.

На нём стояла подпись Александра.

Я невольно подалась вперёд.

— Это письмо было написано за несколько дней до его смерти, — продолжил адвокат. — Оно должно быть прочитано прежде, чем я оглашу юридическую часть завещания.

Он осторожно вскрыл конверт.

В комнате стало тихо.

Настолько тихо, что я услышала, как в камине лопнуло полено.

Генри развернул лист.

— «Если вы слушаете эти слова, значит, меня больше нет среди вас. Я не знаю, кто из вас будет сожалеть об этом, а кто сочтёт мою смерть избавлением. Но я знаю одно: ни один из вас не имеет права считать, что эта история закончилась».

Он сделал паузу.

Я посмотрела на Элеонору. Её лицо оставалось неподвиж-

ным.

— «Я прожил достаточно долго, чтобы понять: в нашей семье ложь никогда не исчезает. Она лишь меняет того, кто её хранит. Вы называли это защитой, милосердием, необходимостью. Я называл это трусостью».

Оливер перестал вертеть стакан в руках.

Генри продолжил:

— «Сегодня здесь собрались люди, которые знают лишь отдельные части правды. Каждый из вас считает, что именно его тайна самая опасная. Вы ошибаетесь».

Джеймс наклонился вперёд.

— Что за спектакль?

— Прошу не перебивать, — сказал Генри.

Он опустил глаза к письму.

— «Я пригласил вас не для того, чтобы просить прощения. И не для того, чтобы обвинять. Я хочу, чтобы каждый из вас наконец услышал то, от чего столько лет отворачивался».

Генри перевернул страницу.

И прочитал следующую фразу медленнее:

— «Один из вас знает, что произошло в ночь моей смерти. Другой знает, почему я так и не смог назвать свою дочь дочерью. А женщина, которую вы считали давно исчезнувшей, всё это время оставалась ближе, чем вы могли представить».

Мне показалось, что воздух в комнате стал плотнее.

Элеонора закрыла глаза.

Джеймс резко поднялся.

— Достаточно.

— Сядьте, Джеймс, — произнесла Виктория.

Он повернулся к ней.

— Не вмешивайся.

— Ты ведь знал, что он это напишет.

Виктория сказала это спокойно, почти безразлично.

Но Джеймс замер.

Я посмотрела на неё.

— Что вы имеете в виду?

Она не ответила.

Генри продолжил чтение:

— «Изабель Морган. Если ты здесь, значит, я всё-таки смог исправить хотя бы одну из ошибок, совершённых при моей жизни. Не верь тем, кто скажет, что твоя мать была случайным человеком в истории этой семьи. Она никогда им не была».

Я перестала дышать.

Он назвал моё имя.

Не просто упомянул. Обратился ко мне так, будто знал, что я буду сидеть в этой комнате, среди людей, которые смотрят на меня с тревогой или неприязнью.

Я повернулась к Генри.

— Почему он написал это?

Адвокат опустил письмо.

— Я не могу ответить на этот вопрос, мисс Морган.

— Но вы знали, что моё имя будет в письме.

— Да.

— И всё равно ничего не сказали мне по телефону?

— Я исполнял волю покойного.

— А если эта воля построена на лжи?

На этот раз ответил Джеймс.

— Тогда вам лучше уехать, пока ещё есть возможность.

— Вы уже говорили это.

— И повторю столько раз, сколько потребуется.

— Почему?

Он посмотрел на меня с такой неприязнью, что мне стало не по себе.

— Потому что некоторые двери лучше не открывать.

— А вы, кажется, знаете, что находится за ними.

Джеймс ничего не ответил.

Генри положил письмо на стол.

— Мы продолжим. В завещании мистера Эшфорда содержится отдельное распоряжение, касающееся мисс Морган.

— Какое ещё распоряжение? — спросила Элеонора.

Впервые за всё время её голос прозвучал неуверенно.

Генри достал другой документ.

— Александр Эшфорд распорядился, чтобы мисс Изабель Морган получила право ознакомиться с личным архивом семьи, включая документы, не подлежащие передаче другим наследникам до завершения установленного срока.

— Это невозможно, — произнесла Элеонора.

— Распоряжение заверено нотариально.

— Она не имеет отношения к семье!

Элеонора произнесла это слишком громко.

Я посмотрела на неё.

— Тогда почему вы так боитесь, что я прочитаю документы?

Она открыла рот, но не нашла ответа.

И тут Виктория тихо произнесла:

— Потому что там есть письмо, которое Александр так и не решился уничтожить.

Генри медленно повернулся к ней.

— Мисс Хейл, мы не обсуждали, что именно находится в архиве.

— Не обсуждали, — согласилась она. — Но я знаю, что там лежит.

Джеймс побледнел.

— Замолчи.

— Нет, Джеймс. Не в этот раз.

Виктория посмотрела на меня.

— Ваша мать приезжала сюда в последний раз в октябре 1998 года?

Я растерялась.

— Не знаю.

— Конечно, не знаете.

— Что произошло в октябре 1998 года?

Виктория отвела взгляд.

— Спросите у Элеоноры.

Все посмотрели на вдову Александра.

Она медленно поднялась.

— Я не намерена участвовать в этом цирке.

— Вы никуда не уйдёте, — сказал Генри. — Пожалуйста, дослушайте завещание.

— Я достаточно выслушала.

Элеонора направилась к двери.

Но, проходя мимо меня, остановилась.

— Вы похожи на неё, — произнесла она почти шёпотом.

— На кого?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— На женщину, которую ваша мать называла своей сестрой.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— У моей матери не было сестры.

Элеонора побледнела.

— Вот именно.

Она вышла из комнаты.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Я повернулась к Генри.

— Что она имела в виду?

— Мисс Морган…

— Не надо. Я больше не хочу слышать, что вы не можете ответить. Я приехала сюда, потому что вы сказали, что это касается меня. Я услышала имя своей матери, увидела её фотографию, узнала, что она была здесь, и теперь мне говорят

о какой-то женщине, которую она называла сестрой.

Я сделала глубокий вдох.

— Я хочу знать, кто она.

Генри медленно снял очки.

— Боюсь, это не тот вопрос, с которого следует начинать.

— А с какого следует?

Он посмотрел на Джеймса.

Тот стоял у окна, отвернувшись от всех.

— Спросите, почему ваша мать ушла из Эшфорд-Холла в ночь, когда исчезла девочка.

У меня похолодели руки.

— Какая девочка?

Но Генри уже закрыл папку.

— На сегодня достаточно.

— Нет. Вы не можете просто…

— Мисс Морган, — перебил он. — Я обещаю, что вы получите доступ к архиву. Но прежде чем вы начнёте читать документы, я должен предупредить вас об одном.

Он подошёл ближе и заговорил так тихо, что его услышала только я.

— Не пытайтесь выяснить всё самостоятельно. В этом доме есть люди, которые очень долго ждали, чтобы некоторые сведения остались неизвестными.

— Вы угрожаете мне?

— Нет. Я пытаюсь вас защитить.

Я посмотрела на него.

— От кого?

Генри не ответил.

После встречи я поднялась в отведённую мне комнату.

Она находилась на втором этаже, в дальнем крыле поместья. Из окна открывался вид на сад и старую каменную стену, за которой начинался лес.

Комната была просторной, с высоким потолком, тяжёлыми шторами и мебелью из тёмного дерева. На кровати лежало белое покрывало, а на столике стоял графин с водой.

Я бросила сумку на кресло и подошла к окну.

Внизу, у бокового входа, стоял Джеймс. Он разговаривал с кем-то по телефону. Его голос до меня не доносился, но по движениям было понятно, что разговор неприятный.

В какой-то момент он поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Он сразу отвернулся.

Я отошла от окна.

На письменном столе лежала папка с моим именем.

Я открыла её.

Внутри находились копия приглашения, правила пребывания в доме и короткая записка от Генри Блэквуда.

«Мисс Морган.

Доступ к архиву будет предоставлен вам завтра утром. До этого времени прошу не покидать территорию поместья без сопровождения управляющего.

С уважением,

Генри Блэквуд».

Я перечитала записку.

Не покидать территорию без сопровождения.

Это уже не было похоже на приглашение.

Я закрыла папку и заметила, что под ней лежит ещё один лист бумаги.

Он был сложен вчетверо.

Я развернула его.

Всего одна строка, написанная знакомым почерком.

Тем самым почерком, которым было написано моё имя на конверте.

«Если они заговорят о девочке, не верь никому. Особенно Джеймсу».

Я перечитала записку несколько раз.

Затем перевернула лист.

На обратной стороне стояла дата.

14 ноября 1998 года.

Я медленно опустилась на край кровати.

Моя мать умерла, так и не рассказав мне, что связывало её с Эшфорд-Холлом.

Но теперь у меня была причина думать, что она пыталась рассказать.

И, возможно, кто-то в этом доме знал, почему ей не удалось.

Я убрала записку в карман и снова подошла к окну.

Дождь прекратился.

На территории поместья зажглись фонари. Их свет ложился на мокрые дорожки, но не достигал деревьев у дальней стены.

Там, в темноте, кто-то стоял.

Я не могла разглядеть лицо. Только силуэт человека, который смотрел прямо на окна моего этажа.

Я отступила от стекла.

Когда через несколько секунд снова посмотрела вниз, там уже никого не было.

И тогда я поняла одну вещь.

В Эшфорд-Холле меня ждали.

Но, кажется, не все хотели, чтобы я добралась до правды.

Глава третья. Женщина на фотографии

Я почти не спала.

Каждый раз, когда закрывала глаза, передо мной возникала одна и та же картина: тёмная фигура за окном, неподвижная, словно часть сада. Я убеждала себя, что это мог быть садовник или кто-то из прислуги, но объяснение не приносило облегчения.

Впрочем, дело было не только в незнакомце.

Слова Генри не выходили у меня из головы.

«Спросите, почему ваша мать ушла из Эшфорд-Холла в ночь, когда исчезла девочка».

Какая девочка?

Почему Анна никогда не рассказывала мне об этом?

И главное — почему в её письме было предупреждение не доверять Джеймсу?

Я лежала в темноте и пыталась вспомнить хоть что-нибудь из детства, что могло бы иметь отношение к этому дому. Но воспоминания не помогали. Анна редко говорила о прошлом. Если я спрашивала о её родителях, она отвечала коротко: их давно нет. Если интересовалась родственниками, говорила, что у нас никого не осталось.

Я выросла с уверенностью, что мы вдвоём — маленькая

семья, которой вполне достаточно друг для друга.

Теперь мне казалось, что эта уверенность была тщательно выстроенной стеной.

Утром я проснулась от стука в дверь.

— Мисс Морган? Завтрак подан.

Я взглянула на часы. Было без четверти девять.

— Сейчас спущусь.

Голос за дверью принадлежал женщине. Когда я открыла, передо мной стояла невысокая седоволосая особа лет шестидесяти пяти.

— Доброе утро. Меня зовут миссис Грей. Я отвечаю за хозяйственную часть дома.

— Доброе утро.

Она посмотрела на меня с осторожным любопытством.

— Надеюсь, вы хорошо спали?

Я чуть помедлила.

— Не особенно.

— Здесь бывает непросто привыкнуть к тишине.

— Вы давно работаете в поместье?

— Тридцать два года.

Я невольно улыбнулась.

— Значит, вы знаете об этом доме больше всех.

Миссис Грей опустила глаза.

— Не больше, чем мне положено, мисс.

Это прозвучало почти дословно так же, как вчерашние ответы Генри.

Я накинула кардиган.

— Вы знали Анну Морган?

Женщина замерла.

Это длилось всего мгновение, но я заметила.

— Почему вы спрашиваете?

— Вчера я увидела её фотографию в холле. Мне сказали, что она бывала здесь.

Миссис Грей поправила манжет.

— Ваша мать действительно приезжала в Эшфорд-Холл.

— Часто?

— Когда-то.

— И вы её помните?

— Конечно.

— Какой она была?

Женщина подняла на меня глаза. В них мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Очень несчастной, мисс Морган.

Я не ожидала такого ответа.

— Почему?

— Вам лучше поговорить об этом с мистером Блэквудом.

— Он не хочет ничего рассказывать.

— Значит, у него есть причины.

Миссис Грей направилась к лестнице.

Я последовала за ней, но на повороте остановилась.

— Ещё один вопрос. Вчера мне сказали, что здесь исчезла девочка. Вы знаете, о ком идёт речь?

Женщина побледнела.

— Кто вам это сказал?

— Генри Блэквуд.

Она несколько секунд молчала.

— Не стоит произносить об этом вслух в этом доме, мисс.

— Почему?

Миссис Грей посмотрела на меня с такой тревогой, что я невольно понизила голос.

— Потому что не все, кто здесь живёт, согласны с тем, что она исчезла.

За завтраком я встретила Оливера.

Он сидел за большим столом в одиночестве и читал газету. Перед ним стояла чашка кофе, к которой он, судя по всему, почти не притронулся.

— Доброе утро, — сказала я.

— Если бы оно было добрым, вы бы не приехали сюда.

Я села напротив.

— Вы всегда такой приветливый?

— Только по утрам. После обеда становлюсь невыносимым.

Он отложил газету.

— Как спалось?

— Вы уже второй человек, который спрашивает меня об этом.

— Значит, первый тоже заметил, что вы выглядите так, будто всю ночь допрашивали собственные мысли.

Я взяла чашку.

— Оливер, я хочу кое-что узнать.

— Это опасная привычка.

— Вчера Генри рассказал мне о девочке, которая исчезла в 1998 году.

Оливер перестал улыбаться.

Он медленно поставил чашку на блюдце.

— Кто вам сказал?

— Генри.

— Понятно.

— Вы знаете, о ком речь?

Он посмотрел на дверь, словно проверял, не подслушивает ли нас кто-нибудь.

— Здесь лучше не обсуждать некоторые вещи.

— Почему все говорят одно и то же?

— Потому что все знают, что случится, если начнут говорить другое.

— Что случится?

Оливер провёл пальцами по переносице.

— Вы действительно ничего не знаете?

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Он помолчал.

— В 1998 году в доме произошла трагедия. После неё семья изменилась. Отец запретил обсуждать случившееся, а остальные предпочли подчиниться.

— Что произошло?

— Исчез ребёнок.

— Чей?

Оливер поднялся и подошёл к окну.

— Не знаю, насколько вам стоит это рассказывать.

— Мне уже сказали, что моя мать была здесь в ту ночь.

Он резко обернулся.

— Кто?

— Генри. Он сказал, что она ушла из поместья, когда исчезла девочка.

Оливер долго смотрел на меня.

— Тогда вам следует поговорить с Джеймсом.

— Он не желает со мной разговаривать.

— И правильно делает.

— Почему?

Оливер усмехнулся, но теперь в его улыбке не было ничего доброго.

— Потому что Джеймс всегда считал, что если достаточно долго молчать, прошлое перестанет существовать.

— А вы так не считаете?

— Я считаю, что прошлое никуда не уходит. Оно просто ждёт подходящего момента.

В этот момент в столовую вошла Элеонора.

Она была одета в строгий чёрный костюм. На лице не было ни следа усталости, хотя я сомневалась, что этой ночью она спала лучше меня.

— Оливер, — произнесла она, — отец просил бы тебя не

распространять семейные дела перед посторонними.

— Отец мёртв, мама.

— Это не означает, что ты можешь забыть о приличиях.

Она перевела взгляд на меня.

— Мисс Морган, надеюсь, вы не слишком утомлены вчерашними событиями.

— Не больше, чем остальные.

— Боюсь, вы не представляете, насколько сложной может быть жизнь в этом доме.

— Тогда, возможно, мне стоит объяснить, почему моя мать была здесь в ночь исчезновения ребёнка.

Элеонора застыла.

Оливер тихо выругался.

— Кто вам это сказал? — спросила она.

— Генри Блэквуд.

— Генри слишком много говорит.

— А вы слишком мало.

Её глаза сузились.

— Вы приехали сюда по приглашению покойного главы семьи. Не стоит путать это с правом вмешиваться в чужие дела.

— Если эти дела связаны с моей матерью, они уже не чужие.

Элеонора ничего не ответила. Она развернулась и вышла из столовой.

Оливер проводил её взглядом.

— Поздравляю, — сказал он. — Вы продержались за одним столом с ней дольше, чем большинство родственников.

— Она всегда такая?

— Нет. Иногда бывает хуже.

Архив находился в западном крыле поместья.

Генри обещал показать его мне после завтрака, но к назначенному времени так и не появился. Вместо него за мной пришёл Томас, управляющий.

— Мистер Блэквуд задерживается, — сообщил он. — Просил проводить вас в библиотеку.

— Мне сказали, что сегодня я получу доступ к архиву.

— Да, мисс. Но сначала необходимо подготовить документы.

Я не стала спорить.

Библиотека оказалась самой красивой комнатой в доме. Высокие шкафы доходили почти до потолка, лестницы на колёсиках позволяли добраться до верхних полок, а у камина стояло кожаное кресло с потёртыми подлокотниками.

На столе лежали старые альбомы.

Я подошла к ним.

— Это семейные фотографии? — спросила я.

— Да, мисс. Мистер Эшфорд любил собирать их.

Томас вышел, оставив дверь приоткрытой.

Я открыла первый альбом.

На фотографиях были люди, которых я не знала. Семейные праздники, охота, рождественские вечера, летние пик-

ники. Лица менялись, одежда устаревала, но дом оставался тем же.

На одной из страниц я увидела Александра.

Он стоял возле фонтана рядом с молодой Элеонорой. Оба выглядели счастливыми. На следующей фотографии был Джеймс — мальчик лет десяти, серьёзный и худощавый.

Я перелистнула страницу.

И остановилась.

На снимке была Анна.

Она стояла на ступенях поместья, придерживая рукой волосы. Рядом с ней находилась другая девушка — почти её копия.

Те же тёмные волосы. Те же глаза. Та же линия подбородка.

Только девушка была немного выше и улыбалась гораздо увереннее.

Я приблизила фотографию к лицу.

На обороте стояла подпись:

«Анна и Елизавета. Эшфорд-Холл, июль 1998 года».

Я прочитала её ещё раз.

Елизавета.

Никогда прежде я не слышала этого имени.

Я достала телефон и сфотографировала снимок. Затем перелистнула альбом назад, надеясь найти ещё одну фотографию.

И нашла.

На ней были те же две девушки, но теперь они стояли по обе стороны Александра Эшфорда. Он держал руки на их плечах, словно они были его дочерьми.

Подпись гласила:

«Семья. Лето 1998 года».

Я почувствовала неприятную тяжесть в груди.

Если это действительно были Анна и Елизавета, почему мать никогда не рассказывала мне о сестре?

И почему Элеонора вчера так странно отреагировала на моё сходство с женщиной, которую Анна называла сестрой?

Я услышала шаги.

Быстро закрыла альбом.

В библиотеку вошёл Джеймс.

— Я так и думал, что найду вас здесь.

— Вы следили за мной?

— Не льстите себе.

Он подошёл к столу и увидел открытый альбом.

— Где вы его взяли?

— Он лежал здесь.

Джеймс закрыл альбом.

— Вам не следует смотреть старые фотографии.

— Почему? На них что-то опасное?

— Иногда фотографии рассказывают не всю историю.

— Зато иногда рассказывают больше, чем люди.

Я указала на снимок.

— Кто такая Елизавета?

Джеймс не посмотрел на фотографию.

— Не знаю.

— Вы были здесь в 1998 году. Вам было восемнадцать. Неужели вы не помните?

— Я помню гораздо больше, чем хотел бы.

— Тогда расскажите.

Он подошёл к окну.

— Ваша мать была здесь недолго.

— Но она приезжала вместе с Елизаветой?

— Вы должны прекратить задавать вопросы.

— Почему вы так боитесь моего любопытства?

Джеймс повернулся.

— Потому что вы не понимаете, что ищете.

— А если я ищу правду?

— Правда не всегда принадлежит тем, кто её ищет.

Я посмотрела на него.

— Вы говорите загадками, Джеймс. Это у вас семейное?

На мгновение мне показалось, что он улыбнётся. Но его лицо осталось неподвижным.

— Ваша мать была хорошей женщиной, — сказал он наконец.

— Тогда почему все здесь говорят о ней так, словно она совершила преступление?

Джеймс опустил глаза.

— Потому что иногда хорошие люди совершают вещи, которые невозможно простить.

Он забрал альбом со стола и направился к выходу.

— Подождите!

Он остановился.

— Елизавета — та самая девочка, которая исчезла?

Джеймс не обернулся.

— Я бы на вашем месте не искал её.

— Она погибла?

Он помолчал.

— В этой семье, мисс Морган, никто никогда не умел правильно прощаться.

И вышел.

К вечеру я вернулась в свою комнату с фотографиями в телефоне и множеством вопросов.

Я открыла снимок, увеличила лица девушек и долго рассматривала их.

Теперь я могла понять, почему Элеонора сказала, что я похожа на женщину, которую Анна называла сестрой.

Они действительно были похожи.

Но кое-что не давало мне покоя.

На фотографии, где Анна и Елизавета стояли рядом с Александром, на руке у одной из девушек был тонкий серебряный браслет с маленьким круглым кулоном.

Я узнала его.

Такой же браслет лежал в шкатулке Анны. После её смерти я нашла его среди вещей, которые не решилась разобрать. Он был старым, потемневшим, с едва заметной гравировкой

на внутренней стороне.

Тогда я не придала ему значения.

Теперь мне казалось, что я должна была.

Я достала из сумки маленькую шкатулку, которую привезла с собой. В ней лежали мамины часы, несколько писем и тот самый браслет.

Я перевернула его.

На внутренней стороне кулона были выгравированы две буквы:

А.Э.

Я долго смотрела на них.

Потом услышала стук.

На пороге стояла миссис Грей.

— Простите, мисс. Я принесла вам чай.

— Спасибо.

Она поставила поднос на столик. Её взгляд скользнул по браслету в моей руке.

И женщина неожиданно побледнела.

— Где вы это взяли?

— Это принадлежало моей матери.

Миссис Грей медленно опустила чашку.

— Нет, мисс. Не вашей матери.

— Что?

Она посмотрела на браслет ещё раз.

— Я видела его на другой женщине.

— На Елизавете?

Миссис Грей не ответила.

Но её молчание было красноречивее любых слов.

— Кто такая Елизавета? — спросила я.

Женщина подошла к двери.

— Я не должна была ничего говорить.

— Подождите. Вы знали её?

Миссис Грей обернулась.

— Все в этом доме знали Елизавету.

— Тогда почему никто не хочет о ней говорить?

Она посмотрела на меня так, словно я задала самый страшный вопрос на свете.

— Потому что, мисс Морган, официально Елизаветы Эшфорд никогда не существовало.

И вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

В руке лежал браслет, на экране телефона светилась фотография двух девушек, а за окном сгущались сумерки.

Я вдруг поняла, что приехала в Эшфорд-Холл не просто узнать, кем была моя мать.

Я приехала в дом, где целую жизнь вычеркнули из семейной истории.

И, похоже, Анна была единственным человеком, который знал, почему это произошло.

Я посмотрела на выгравированные буквы.

А.Э.

Александр Эшфорд?

Или Анна Эшфорд?

Впервые за всё время я допустила мысль, которая прежде показалась бы мне совершенно нелепой.

Что, если моя мать носила не своё имя?

И что, если женщина на фотографии была не её сестрой?

Глава четвёртая. Чужое имя

В ту ночь я почти не выпускала браслет из рук.

Он лежал на прикроватной тумбочке, рядом с телефоном, на экране которого светилась фотография двух девушек. Я увеличивала снимок, рассматривала их лица, пыталась найти хоть одно отличие, которое помогло бы понять, кто из них Анна, а кто Елизавета.

Но чем дольше я смотрела, тем сильнее путалась.

Они были удивительно похожи. Не просто родственницы, не просто сёстры. Казалось, природа дважды нарисовала одно и то же лицо, немного изменив выражение глаз.

Я вспомнила слова миссис Грей:

«Официально Елизаветы Эшфорд никогда не существовало».

Как можно вычеркнуть человека из жизни целой семьи? Неужели достаточно перестать произносить его имя, убрать фотографии и запретить разговоры?

Я знала, что нет.

Люди оставляют следы. В документах, письмах, чужих воспоминаниях. Даже в самых тщательно скрываемых историях всегда остаётся что-то, что не удалось уничтожить.

Вопрос заключался лишь в том, где искать.

Я открыла ящик письменного стола и достала записку, найденную накануне.

«Если они заговорят о девочке, не верь никому. Особенно Джеймсу».

Подпись отсутствовала.

Но дата — 14 ноября 1998 года — была написана тем же почерком, что и приписка на первом приглашении.

Я перевернула лист. На обратной стороне обнаружился едва заметный след от чернил, будто кто-то писал на бумаге, лежавшей сверху.

Я поднесла её к настольной лампе.

Разобрать слова не удалось.

Впрочем, кое-что я поняла: тот, кто оставил записку, знал, что я приеду. И знал, что Джеймс станет для меня опасным человеком.

Я убрала бумагу в сумку.

Завтра я собиралась сделать то, чего все так старательно избегали.

Попросить показать мне документы об исчезнувшей девочке.

Утром в поместье стояла необычная тишина.

Я спустилась в столовую около десяти. За столом сидела Виктория Хейл. Она читала письмо, держа его обеими руками, и не заметила моего появления.

— Доброе утро, — произнесла я.

Она подняла глаза.

— Доброе.

Я села напротив.

— Вы знали мою мать?

Виктория сложила письмо.

— Да.

— Давно?

— С 1998 года.

— Вы были здесь тогда?

— Была.

Я ждала продолжения, но она молчала.

— А Елизавету вы знали?

Виктория медленно положила письмо на стол.

— Кто вам рассказал это имя?

— Я нашла фотографию.

— В библиотеке?

Я кивнула.

— Тогда вы уже знаете больше, чем следовало бы.

— Почему?

Виктория посмотрела на дверь.

— Потому что эта фотография не должна была там оставаться.

— Но она осталась.

— Да. Александр никогда не умел избавляться от того, что считал важным.

— Кем была Елизавета?

Виктория долго молчала.

— Девушкой, которую все в этом доме любили по-своему. И каждый по-своему предал.

— Она была дочерью Александра?

— Не задавайте вопросов, на которые пока не готовы услышать ответы.

Я почувствовала раздражение.

— Вы все говорите так, будто я ребёнок.

— Нет, Изабель. Я говорю так, потому что знаю, как легко правда может разрушить человека.

— А ложь, получается, не разрушает?

Виктория посмотрела на меня с неожиданной горечью.

— Иногда разрушает медленнее. Но гораздо основательнее.

Она поднялась.

— Если действительно хотите узнать о Елизавете, попросите Генри показать вам старые регистрационные документы. Не семейные альбомы. Документы.

— Почему именно их?

— Потому что фотографии можно подделать. Воспоминания можно изменить. А вот официальные записи иногда рассказывают больше, чем люди готовы признать.

Она направилась к выходу.

— Виктория!

Женщина остановилась.

— Вы сказали, что каждый предал Елизавету. А что сделала моя мать?

Виктория не обернулась.

— Она была последней, кто видел её живой.

Дверь закрылась.

Я осталась сидеть за столом.

Последней.

Эти слова звучали в голове громче, чем всё остальное.

Генри Блэквуда я нашла в кабинете на первом этаже.

Он сидел за массивным письменным столом, разбирая документы. Увидев меня, снял очки.

— Мисс Морган. Чем могу помочь?

— Мне нужны регистрационные документы за 1998 год.

Он не сразу ответил.

— Какие именно?

— Все, которые относятся к Елизавете Эшфорд.

Генри аккуратно положил ручку на стол.

— Откуда вы узнали о ней?

— Это уже не имеет значения. Вы обещали предоставить мне доступ к архиву.

— Да, но архив содержит документы, которые не имеют прямого отношения к распоряжениям Александра Эшфорда.

— Тогда позвольте мне самой решить, что имеет отношение.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Вы очень похожи на свою мать.

— Мне это уже говорили.

— Не только внешне.

— Вы тоже её знали?

Генри отвёл взгляд.

— Да.

— Почему она никогда не рассказывала мне об этом доме?

— Возможно, хотела уберечь вас.

— От чего?

— От прошлого.

Я устало выдохнула.

— Вы понимаете, что это ничего не объясняет?

— Понимаю.

Он открыл нижний ящик стола и достал связку ключей.

— Хорошо. Пойдёмте.

Мы прошли через коридор, миновали лестницу и оказались у неприметной двери в западном крыле. Генри выбрал длинный ключ, повернул его дважды и толкнул дверь.

За ней находилась небольшая комната с высокими стеллажами. На полках стояли коробки, папки и переплетённые книги. Воздух пах пылью и старой бумагой.

— Здесь хранятся семейные документы, — сказал Генри. — Часть из них датирована ещё девятнадцатым веком. Пожалуйста, обращайтесь с ними осторожно.

— Где документы за 1998 год?

Он указал на третий стеллаж.

Я подошла к нему и начала перебирать папки.

«Счета».

«Налоговые декларации».

«Страхование имущества».

«Семейная переписка».

Наконец нашла папку с надписью «Личные документы. 1998».

Открыла её.

Внутри лежали копии свидетельств, медицинские справки, несколько нотариальных заверений и распечатки старых писем.

Я просмотрела первые страницы.

Ничего необычного.

Затем заметила документ, вложенный в отдельный прозрачный файл.

Это была копия свидетельства о рождении.

Имя: Елизавета Александровна Эшфорд.

Дата рождения: 3 марта 1976 года.

Место рождения: Лондон.

Имя отца: Александр Эшфорд.

Имя матери…

Я замерла.

В графе матери стояло: Анна Морган.

Я перечитала строку.

Потом ещё раз.

— Генри.

Адвокат подошёл ближе.

— Да?

Я указала на документ.

— Объясните.

Он взглянул на свидетельство и на мгновение закрыл глаза.

— Где вы это нашли?

— В папке. Здесь написано, что Анна Морган была матерью Елизаветы Эшфорд.

— Да.

— Значит, моя мать родила дочь от Александра?

Генри ничего не ответил.

— Но почему тогда она растила меня? Почему я никогда не слышала об этой девочке?

Он осторожно забрал документ и положил обратно в файл.

— Я не могу делать выводы на основании одной копии.

— Вы юрист. Вы прекрасно понимаете, что здесь написано.

— Понимаю.

— Тогда скажите, что случилось с Елизаветой.

Генри посмотрел на меня.

— В ноябре 1998 года она исчезла.

— И никто не искал её?

— Искали.

— Полиция?

— Да.

— Нашли?

Он помедлил.

— Нет.

Я опустилась на ближайший стул.

Елизавета родилась в 1976 году. В 1998-м ей было двадцать два. Это была не маленькая девочка, как я почему-то представляла после слов Генри. Взрослая женщина.

И Анна была её матерью.

Но тогда почему Александр называл её своей дочерью, а остальные утверждали, что Елизаветы никогда не существовало?

Я снова посмотрела на свидетельство.

— Почему документ спрятан здесь?

— Он не спрятан. Он хранится в архиве.

— А почему о нём никто не говорит?

Генри не ответил.

Я поднялась.

— Я хочу увидеть остальные документы.

— На сегодня достаточно.

— Вы не можете решать за меня.

— Могу, если речь идёт о документах, доступ к которым ограничен завещанием.

— Тогда покажите мне завещание.

Он медленно выдохнул.

— Мисс Морган, я пытаюсь избежать ситуации, в которой

вы сделаете выводы, не зная всей истории.

— Но именно этого вы все и добиваетесь. Чтобы я никогда не узнала всей истории.

Я направилась к выходу.

У двери остановилась.

— Генри, ещё один вопрос.

— Слушаю.

— Кто такая Елизавета для меня?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Я пока не знаю, мисс Морган.

И впервые я поверила, что он действительно говорит правду.

В коридоре я столкнулась с Оливером.

Он держал в руках несколько книг и, увидев меня, остановился.

— Вы выглядите так, будто только что узнали о существовании ещё одного неприятного родственника.

— Возможно, так и есть.

— Поздравляю. В нашей семье это случается регулярно.

Я не улыбнулась.

— Оливер, мне нужно поговорить с вами.

Он посмотрел на книги.

— Боюсь, у меня нет времени.

— Это касается Елизаветы.

Книги едва не выпали у него из рук.

— Где вы услышали это имя?

— Везде, где люди пытаются его скрыть.

Оливер оглянулся.

— Пойдёмте.

Он отвёл меня в небольшую комнату рядом с зимним садом. Там стоял старый диван, несколько кресел и письменный стол, заваленный журналами.

Оливер закрыл дверь.

— Что именно вы узнали?

— Я видела свидетельство о рождении. Елизавета Эшфорд. Мать — Анна Морган. Отец — Александр Эшфорд.

Он сел напротив.

— Значит, вы добрались до документов.

— Вы знали?

— Да.

— И почему не сказали?

Оливер пожал плечами.

— Потому что не знал, что вы имеете право это знать.

— А теперь знаете?

Он посмотрел на меня.

— Теперь понимаю, что вы уже не остановитесь.

Я достала телефон и показала ему фотографию двух девушек.

— Кто из них Анна?

Оливер приблизил снимок.

— Та, что слева.

— Вы уверены?

— Да.

— А справа Елизавета?

Он кивнул.

— Вы были знакомы с ней?

— Немного. Я был ребёнком, когда всё произошло.

— Каким она была человеком?

Оливер долго смотрел на фотографию.

— Весёлой. Упрямой. Иногда невыносимой. Она могла спорить с отцом часами и никогда не отступала. Мне казалось, что она единственный человек в доме, которому Александр действительно позволял говорить ему неприятные вещи.

— А потом она исчезла?

— Да.

— Что случилось в ту ночь?

Оливер поднялся и подошёл к окну.

— Я не помню всего. Мне было одиннадцать. Я проснулся от крика. Внизу кто-то спорил. Потом хлопнула дверь.

— Кто кричал?

— Кажется, Элеонора.

— А Анна?

Он обернулся.

— Я видел её утром. Она стояла возле лестницы с маленьким чемоданом.

— Одна?

— Да.

— И что сказала?

Оливер задумался.

— Она спросила, где Елизавета. Отец ответил, что той больше нет.

— И всё?

— Нет. Анна сказала, что он не имеет права так говорить.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— А потом?

— Она уехала.

— И никто не остановил её?

— Джеймс пытался.

Я вспомнила предупреждение в записке.

Особенно Джеймсу.

— Почему?

— Не знаю. Но он тогда был совершенно другим человеком. После той ночи он словно перестал быть частью семьи.

Оливер повернулся ко мне.

— Изабель, вы должны понять одну вещь. Александр был не просто богатым человеком. Он был человеком, который привык решать, что другим позволено помнить.

— А вы?

Оливер усмехнулся.

— Я предпочитал забывать.

— Удобно.

— Не особенно.

Он подошёл к двери.

— Вам лучше не рассказывать Джеймсу, что вы видели документы.

— Почему?

Оливер посмотрел на меня.

— Потому что именно он настоял на том, чтобы имя Елизаветы больше никогда не появлялось в этом доме.

Вечером я долго сидела у окна.

Теперь у меня были факты, но каждый из них порождал новые вопросы.

Елизавета была дочерью Анны и Александра.

Она исчезла в ноябре 1998 года.

Анна уехала из поместья сразу после этого.

Джеймс пытался её остановить.

И почти тридцать лет семья делала вид, что Елизаветы никогда не существовало.

Я достала из сумки браслет.

Вчера мне казалось, что буквы на нём могут означать «Александр Эшфорд». Теперь я сомневалась. Возможно, они относились к кому-то другому.

Я перевернула кулон и заметила, что под буквами есть ещё одна гравировка. Очень мелкая, почти стёртая.

Я поднесла браслет к лампе.

Там было написано:

«Моей девочке. Навсегда. А.»

Я почувствовала, как пересохло во рту.

Моей девочке.

Кто подарил этот браслет Анне? Александр? Елизавета? Кто-то ещё?

Я положила его на стол и достала фотографию.

Анна и Елизавета стояли рядом. На руке девушки справа блестел точно такой же браслет.

Я приблизила изображение.

Теперь сомнений не было.

Браслет принадлежал Елизавете.

Но почему он оказался среди вещей Анны?

Я уже собиралась убрать фотографию, когда заметила нечто странное.

На заднем плане, за девушками, стоял Джеймс.

Он смотрел не в объектив камеры.

Он смотрел на Анну.

И выражение его лица было таким, будто он боялся, что она вот-вот исчезнет.

Я ещё раз увеличила снимок.

На обороте фотографии, которую я сфотографировала в библиотеке, была дата — июль 1998 года.

А на другой фотографии, где Анна стояла на ступенях, дата отсутствовала.

Я посмотрела на обе фотографии и вдруг поняла, что на первой Анна была беременна.

Совсем немного. Почти незаметно.

Но я знала, как выглядит женщина на раннем сроке беременности. Я видела это на старых снимках своей матери.

Я медленно опустила телефон.

Если фотография была сделана летом 1998 года, а Елизавета родилась в 1976-м, это не имело отношения к её беременности.

Но тогда кто был ребёнком, которого ждала Анна?

И почему никто никогда не упоминал об этом?

В дверь постучали.

Я быстро убрала телефон.

— Войдите.

На пороге стоял Джеймс.

— Нам нужно поговорить.

Он вошёл, не дожидаясь приглашения, и закрыл за собой дверь.

— Вы были в архиве.

Это был не вопрос.

— Да.

— Вы видели документы?

— Да.

Он посмотрел на стол, где лежал браслет.

— И фотографии?

Я молчала.

— Изабель, я прошу вас. Оставьте это.

— Вы уже просили.

— Тогда я не понимал, насколько далеко вы зайдёте.

— А теперь понимаете?

Он подошёл к столу и взял браслет.

— Откуда он у вас?
— Принадлежал моей матери.
Джеймс посмотрел на гравировку.
Его лицо изменилось.
— Она сохранила его?
— Вы знаете, кому он принадлежал?
Он не ответил.
— Елизавете?
Джеймс осторожно положил браслет на стол.
— Нет.
— Тогда кому?
Он посмотрел на меня.
И произнёс слова, от которых у меня внутри всё сжалось:
— Ваша мать носила его в день, когда вы родились.
Я застыла.
— Что?
— Вы слышали.
— Но он был на руке Елизаветы на фотографии.
— Да.
— Значит, она отдала его Анне?
Джеймс покачал головой.
— Вы ничего не понимаете.
— Тогда объясните!
Он долго смотрел на меня.
— Ваша мать приехала сюда не одна, Изабель.
— С кем?

Джеймс подошёл к двери.

— С ребёнком.

Он открыл её.

— Спокойной ночи.

— Джеймс!

Но он уже вышел.

Я осталась стоять посреди комнаты.

Ребёнок.

Анна приехала в Эшфорд-Холл с ребёнком.

И, судя по всему, это была я.

Но если я родилась задолго до исчезновения Елизаветы, почему Джеймс говорил об этом так, словно речь шла о чём-то запретном?

Я посмотрела на браслет.

На его внутренней стороне были выгравированы две буквы.

А.Э.

И впервые за эти дни мне пришла в голову мысль, от которой я не могла избавиться:

возможно, в этой истории я не просто дочь женщины, которая когда-то жила в Эшфорд-Холле.

Возможно, я сама была частью того, что здесь произошло.

Глава пятая. Ребёнок из прошлого

Я не спустилась к завтраку.

После разговора с Джеймсом мне казалось, что любое движение требует усилий. Я сидела на кровати, смотрела на браслет и пыталась восстановить события, которые произошли задолго до моего рождения.

Анна приехала в Эшфорд-Холл с ребёнком.

Эти слова звучали просто, почти обыденно. Но за ними скрывалось нечто, чего я пока не могла понять.

Если речь шла обо мне, то почему Джеймс произнёс их с таким выражением лица? И почему он не сказал прямо, что я родилась здесь или что моя мать привезла меня в поместье?

Я открыла телефон и посмотрела на фотографию из альбома.

Июль 1998 года.

Анна и Елизавета стояли на ступенях дома. Обе улыбались. На заднем плане виднелась фигура Джеймса.

Я увеличила изображение.

Теперь я заметила ещё одну деталь: на шее Анны висела тонкая цепочка с небольшим медальоном. Я помнила её. После смерти матери медальон лежал в шкатулке вместе с браслетом.

Я достала его из сумки.

На обратной стороне была выгравирована дата:

3 марта 1976 года.

Дата рождения Елизаветы.

Я перевернула медальон.

Внутри находилась крошечная фотография. На ней были две женщины, стоявшие рядом с младенцем.

Одна из них была Анной.

Вторая — Элеонора.

Я несколько секунд не могла пошевелиться.

Почему у моей матери была фотография с вдовой Александра? И почему они держали одного ребёнка?

Я внимательно рассмотрела снимок. Лицо младенца было почти неразличимо, но на одеяле виднелась маленькая вышитая буква.

Е.

Елизавета?

Или кто-то другой?

Я услышала стук в дверь.

— Мисс Морган, можно войти?

Это был Генри.

Я спрятала медальон в ладони.

— Да.

Он вошёл и сразу заметил, что я не одета.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Нет. Просто не спала.

— Понимаю.

Он положил на стол тонкую папку.

— Я принёс вам документы, о которых вы просили.

— Какие именно?

— Копии некоторых записей, связанных с исчезновением Елизаветы.

Я посмотрела на папку.

— Почему вы передумали?

— Потому что вчера вечером я разговаривал с Джеймсом.

— И?

— Он считает, что вам следует знать больше.

Я невольно усмехнулась.

— Вчера он просил меня забыть обо всём. Сегодня решил, что я должна узнать больше?

— Джеймс не всегда последователен.

— Вы тоже.

Генри принял замечание без возражений.

Я открыла папку.

Первым лежало заявление о пропаже человека. Дата — 15 ноября 1998 года.

Заявитель: Александр Эшфорд.

Пропавшая: Елизавета Александровна Эшфорд.

Последнее известное местонахождение: Эшфорд-Холл.

Я прочитала описание.

Рост — около ста семидесяти сантиметров. Тёмные волосы. Серые глаза. На правой руке — серебряный браслет с круглым кулоном.

Я подняла голову.

— Этот браслет.

Генри посмотрел на мою ладонь.

— Да.

— Вы знали, что он у моей матери?

— Нет.

— Но он принадлежал Елизавете?

— Согласно заявлению, именно такой браслет был на ней в день исчезновения.

Я открыла ладонь и показала ему украшение.

— Тогда почему Джеймс сказал, что Анна носила его в день моего рождения?

Генри нахмурился.

— Он сказал именно так?

— Да.

Адвокат взял браслет, внимательно осмотрел гравировку и вернул мне.

— Я не могу объяснить это.

— А вы можете объяснить, почему в свидетельстве о рождении Елизаветы указана моя мать?

Генри снял очки.

— Вы нашли свидетельство?

— Да.

— Тогда вам следует знать, что не все документы, хранящиеся в архиве, являются окончательными версиями.

— Вы хотите сказать, что свидетельство поддельное?

— Я хочу сказать, что в документах есть несоответствия.

— Какие?

Он достал из папки ещё один лист.

Это была копия старого регистрационного документа. В нём указывалось, что в марте 1976 года у Анны Морган родилась дочь.

Но имя ребёнка было закрыто чёрной полосой.

— Почему имя скрыто?

— Документ был передан в архив в таком виде.

— Кем?

— Александром Эшфордом.

Я посмотрела на Генри.

— То есть он сам спрятал имя собственного ребёнка?

— Возможно.

— А вы не пытались выяснить, почему?

— Я был его адвокатом, мисс Морган. Не его исповедником.

Я закрыла папку.

— Генри, мне двадцать четыре года. Я не ребёнок, которого нужно ограждать от неприятных разговоров. Я хочу знать, что произошло.

Он некоторое время молчал.

— Тогда я расскажу вам то, что знаю. В 1998 году Елизавета исчезла. Полиция проводила расследование, но никаких убедительных результатов не получила. Через несколько месяцев Александр прекратил поиски. Он утверждал, что Елизавета покинула страну добровольно.

— А Анна?

— Анна настаивала, что это неправда.

— Она обвиняла Александра?

— Да.

— В чём?

Генри посмотрел на дверь.

— В том, что он знал, где находится Елизавета.

Я решила, что больше не буду ждать разрешения задавать вопросы.

После ухода Генри я оделась и спустилась на первый этаж. В холле было пусто. Я прошла мимо портрета Александра и направилась к кабинету.

Дверь оказалась открыта.

Элеонора стояла возле книжного шкафа и перебирала какие-то бумаги. Увидев меня, она резко закрыла ящик.

— Вам что-то нужно?

— Да. Я хочу поговорить.

— Я не уверена, что нам есть о чём.

— Вы знали Анну.

— Мы уже обсуждали это.

— Вы знали Елизавету.

Элеонора отвернулась.

— Не произносите это имя.

— Почему? Оно напоминает вам о чём-то неприятном?

Она резко повернулась.

— Вы не имеете права судить меня.

— Я пока никого не сужу. Я пытаюсь понять, почему вы все так боитесь одной женщины, которая исчезла почти тридцать лет назад.

Элеонора подошла к столу.

— Елизавета была проблемой для этой семьи.

— Проблемой?

— Она не умела принимать правила. Не понимала, что некоторые решения принимаются ради общего блага.

— Какое решение вы имеете в виду?

Элеонора посмотрела на меня.

— Вашей матери следовало уехать гораздо раньше.

— Почему?

— Потому что она вмешалась в то, что её не касалось.

Я почувствовала, как напряглась.

— Вы говорите об Анне или о Елизавете?

— Об обеих.

— Они были сёстрами?

Элеонора закрыла глаза.

— Нет.

Я замерла.

— Что?

— Они не были сёстрами.

Мне показалось, что комната слегка качнулась.

— Но на фотографии…

— Фотографии не всегда говорят правду.

— Тогда кем они были друг другу?

Элеонора долго молчала.

— Анна была женщиной, которой Александр доверял больше, чем следовало. А Елизавета была его дочерью.

— А кем Анна приходилась Елизавете?

Элеонора посмотрела на меня.

— Это вы должны были спросить у своей матери.

Я сделала шаг вперёд.

— Она умерла.

— Я знаю.

— Тогда, может быть, вы наконец перестанете говорить загадками?

Элеонора побледнела.

— Вы слишком похожи на неё.

— На кого?

— На Елизавету.

Я не ожидала этого ответа.

— Но вы только что сказали, что я похожа на Анну.

— Я сказала, что вы похожи на женщину, которую ваша мать называла сестрой. Это не одно и то же.

— Вы сами запутались в собственной лжи.

Элеонора подняла руку, словно хотела остановить меня.

— Уходите.

— Нет.

— Уходите, Изабель!

Я впервые услышала, как она произносит моё имя.

И в этом голосе было не только раздражение.

Была паника.

Я вышла из кабинета, не сказав больше ни слова.

В коридоре меня ждал Оливер.

— Судя по вашему лицу, разговор прошёл успешно.

— Вы знали, что Анна и Елизавета не были сёстрами?

Он перестал улыбаться.

— Кто вам это сказал?

— Элеонора.

Оливер провёл рукой по волосам.

— Она не должна была этого говорить.

— Почему?

— Потому что теперь вы начнёте задавать ещё больше вопросов.

— Именно это я и собираюсь делать.

Он посмотрел на меня с усталостью.

— Изабель, вы не понимаете, насколько всё сложно.

— Тогда объясните.

Оливер открыл рот, но в этот момент из соседней комнаты вышел Джеймс.

— Оливер, нам нужно поговорить.

— Не сейчас.

— Сейчас.

Оливер повернулся ко мне.

— Идите в библиотеку. Я найду вас позже.

Я не собиралась уходить, но Джеймс уже направился к брату.

— Я сказал, нам нужно поговорить.

— А я сказал, что не сейчас.

Они вошли в кабинет и закрыли дверь.

Я осталась в коридоре.

Сначала хотела уйти, но затем услышала голос Джеймса.

— Ты понимаешь, что она нашла?

— Да.

— Тогда почему ты продолжаешь ей помогать?

— Потому что она имеет право знать.

— Не тебе решать!

Последовала пауза.

Затем Оливер произнёс:

— Ты не можешь всю жизнь скрывать то, что сделал отец.

— Я ничего не скрываю.

— Правда? Тогда почему ты так боишься, что она узнает, кто такая Анна?

Я отступила от двери.

Сердце билось слишком быстро.

Кто такая Анна?

Не кем она была. Не что она сделала.

Кто такая.

Я вернулась в свою комнату и закрыла дверь.

К полудню я решила позвонить домой.

На самом деле я не знала, кому именно собиралась звонить. Анны больше не было. Родственников, которым я могла бы доверять, тоже.

Но я вспомнила о старой подруге матери — женщине по имени Марта, которая несколько раз приезжала к нам в детстве. После смерти Анны она прислала мне открытку с соболезнованиями и номер телефона.

Я нашла его в контактах.

Гудки длились долго.

— Алло?

— Марта? Это Изабель Морган.

— Изабель! Господи, как ты?

— Мне нужно кое-что спросить.

Я услышала, как она вздохнула.

— Что случилось?

— Вы знали мою мать в молодости?

— Конечно.

— Она когда-нибудь рассказывала вам об Эшфорд-Холле?

На другом конце провода наступила тишина.

— Откуда ты знаешь это название?

— Я сейчас здесь.

— Что?

— Я приехала на оглашение завещания Александра Эшфорда.

Марта резко вдохнула.

— Изабель, послушай меня. Ты должна немедленно уехать.

Я закрыла глаза.

Опять.

Все говорили одно и то же.

— Почему?

— Потому что твоя мать боялась этого дома всю жизнь.

— Чего именно она боялась?

— Не знаю.

— Марта, пожалуйста. Вы же были её подругой.

— Я обещала Анне никогда не рассказывать.

— О чём?

Марта долго молчала.

Потом тихо произнесла:

— О том, что произошло с ребёнком.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Каким ребёнком?

— Изабель, ты должна понять. Анна любила тебя. Она действительно любила тебя. Но это не значит, что она родила тебя.

Я перестала слышать всё вокруг.

— Что вы сказали?

— Я не могу больше говорить.

— Марта!

Но связь оборвалась.

Я несколько секунд смотрела на экран телефона.

Потом медленно опустила руку.

«Это не значит, что она родила тебя».

Я пыталась найти объяснение. Возможно, Марта оговори-

лась. Возможно, она имела в виду, что Анна не была моей биологической матерью, но воспитывала меня с рождения.

Но тогда кто была моя настоящая мать?

И почему все эти люди знали ответ, кроме меня?

Вечером я снова достала фотографию Анны и Елизаветы.

Теперь я смотрела на неё иначе.

На обороте была подпись: «Анна и Елизавета. Эшфорд-Холл, июль 1998 года».

Но если они не были сёстрами, почему их представили именно так?

Я перевернула снимок, внимательно изучила края и заметила, что бумага в одном месте слегка отходит от картона.

Я осторожно поддела её ногтем.

Под фотографией обнаружилась ещё одна надпись.

Очень короткая.

«Для Изабель. Когда она вырастет».

Я перечитала слова.

Это было невозможно.

Фотография была сделана за два года до моего рождения.

Кто мог оставить её для меня?

И почему она оказалась в семейном альбоме Александра?

Я перевернула снимок снова.

Теперь мне бросилась в глаза ещё одна деталь.

Женщина справа, которую я считала Елизаветой, держала на руках младенца.

Я увеличила фотографию.

Лицо ребёнка было почти скрыто одеялом, но на запястье виднелась тонкая серебряная цепочка.

Та самая, что лежала сейчас на моём столе.

Я медленно опустила телефон.

Если ребёнок на фотографии — я, значит, снимок был сделан не в 1998 году.

Или дата была неверной.

Или кто-то намеренно изменил подпись.

В этот момент в дверь постучали.

Я спрятала фотографию в книгу.

— Войдите.

На пороге стоял Генри Блэквуд.

Он выглядел необычно взволнованным.

— Мисс Морган, мне нужно кое-что вам сообщить.

— Что случилось?

Он вошёл и закрыл дверь.

— Сегодня вечером я получил распоряжение от нотариуса. В соответствии с дополнительным условием завещания вам передаётся личное письмо Александра Эшфорда.

— Почему именно мне?

— Потому что оно адресовано вам.

Он протянул мне конверт.

На нём было написано:

«Изабель. Открыть только после того, как узнаешь правду об Анне».

Я посмотрела на Генри.

— Но я ещё не знаю правду.

— Возможно, Александр считал иначе.

Я осторожно взяла конверт.

Пальцы дрожали.

— Вы знаете, что внутри?

— Нет. Я не вскрывал его.

Я повернула конверт.

На обратной стороне стояла дата.

Ноябрь 1998 года.

И подпись Александра Эшфорда.

Я подняла глаза.

— Генри, почему он написал мне письмо за два года до моего рождения?

Адвокат ничего не ответил.

Но по его лицу я поняла: он тоже заметил дату.

Я осторожно положила конверт на стол.

И впервые за всё время в Эшфорд-Холле мне стало по-настоящему страшно.

Потому что теперь дело было не только в том, что моя мать скрывала прошлое.

Кто-то в этом доме знал обо мне ещё до моего рождения.

И, возможно, знал, кем я должна была стать.

Глава 6. Письмо из прошлого

Я долго не решалась прикоснуться к конверту.

Он лежал на столе между мной и Генри Блэквудом, пожелтевший по краям, с аккуратной надписью, сделанной чёрными чернилами. Моё имя. Не просто имя — обращение ко мне, будто Александр Эшфорд знал, что однажды я окажусь в этой комнате, буду сидеть напротив его адвоката и пытаться понять, почему человек, которого я никогда не встречала, оставил мне послание.

Но он не мог знать меня.

В ноябре 1998 года меня ещё не существовало.

— Вы собираетесь объяснить, что всё это значит? — спросила я.

Генри снял очки и медленно протёр их платком.

— Я надеялся, что вы сами сможете это понять.

— Вы адвокат, мистер Блэквуд. Не загадочный старик из сказки. Мне нужны ответы.

Он едва заметно улыбнулся, но улыбка исчезла прежде, чем успела стать настоящей.

— Это письмо было найдено среди личных бумаг Александра после его смерти. Оно хранилось отдельно от остальных документов. В отдельном конверте, который он запечатал собственноручно.

— И вы решили, что мне следует его отдать?

— Я решил, что пришло время.

— Время для чего?

Генри посмотрел на конверт.

— Для того, чтобы вы перестали задавать вопросы не тем людям.

Мне не понравился этот ответ. Впрочем, за последние два дня я начала подозревать, что в Эшфорд-Холле никто не собирается облегчать мне жизнь.

Я взяла конверт.

Бумага была плотной, дорогой. На обратной стороне сохранилась сургучная печать с гербом Эшфордов. Печать была сломана, хотя я не помнила, чтобы сама касалась её.

— Вы открывали его? — спросила я.

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что внутри?

— Не знаю.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Вы хотите сказать, что принесли мне письмо, не зная его содержания?

— Именно.

— И вас это совершенно не смущает?

— Меня смущает многое, мисс Морган. Но не всё из этого я могу изменить.

Я поддела край конверта ножом для бумаги.

Внутри оказался один лист, сложенный вдвое. Почерк был твёрдым, угловатым, с характерным наклоном вправо. Такой

же почерк я видела на письме, которое Генри зачитал нам в гостиной.

Я развернула лист.

Изабель.

Если ты читаешь эти строки, значит, Анна уже не сможет рассказать тебе всё сама. Возможно, она не успела. Возможно, не захотела. А возможно, решила, что молчание — единственный способ уберечь тебя.

Не торопись осуждать её.

Я знаю, что ты захочешь узнать, кем она была на самом деле. Но прежде чем искать ответ, пойми одну вещь: Анна не была той женщиной, за которую её принимали в этой семье.

В Эшфорд-Холле слишком долго называли людей чужими именами. Некоторые делали это ради спасения. Другие — ради власти. А кто-то однажды решил, что имеет право распоряжаться чужой жизнью.

Я совершил ошибку, последствия которой пережили все, кто был рядом со мной. И если ты когда-нибудь узнаешь, что именно произошло в ноябре 1998 года, не верь первому объяснению. Особенно тому, которое будет подтверждено документами.

Документы можно подделать. Память — тоже.

Но есть свидетель, которого никто не догадался спросить.

Александр Эшфорд.

Я перечитала последнюю строку.

И только тогда поняла, что это не подпись.

Это было обращение к человеку, которому он доверял меньше, чем мне.

— Что за свидетель? — спросила я.

Генри молчал.

— Мистер Блэквуд?

— Я не знаю.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Я снова взглянула на письмо.

— Александр пишет о себе в третьем лице.

— Да.

— Почему?

— Возможно, хотел подчеркнуть, что его собственная версия событий не должна считаться истиной.

— Или потому, что это письмо написал не он.

Генри не ответил.

Я подняла глаза.

— Вы ведь тоже об этом подумали.

— Я подумал, что у нас недостаточно оснований делать какие-либо выводы.

— А у вас есть основания считать, что письмо подлинное?

— Почерк соответствует другим письмам Александра. Бумага и чернила также относятся к тому периоду.

— К какому именно?

Генри посмотрел на конверт.

— Это сложнее.

— Почему?

Он помедлил.

— Потому что конверт датирован ноябрём 1998 года. Но бумага внутри была изготовлена значительно позже.

Я почувствовала, как пальцы непроизвольно сжались.

— Насколько позже?

— Примерно в 2001 году.

В комнате стало тихо.

Я посмотрела на дату, написанную на конверте. Потом на письмо.

— Значит, Александр использовал старый конверт?

— Это одна из версий.

— А другая?

— Что письмо было написано не в тот день, когда его положили в конверт.

Я снова перечитала обращение.

Изабель.

Впервые за всё время я подумала, что, возможно, моё имя действительно могло быть известно Александру задолго до моего рождения. Не потому, что он предвидел будущее, а потому, что кто-то уже тогда решил, как меня будут звать.

Но почему?

— Вы знали, что меня так назвали? — спросила я.

— Разумеется.

— А Александр?

— Он знал.

— Когда?

Генри отвёл взгляд.

Этого короткого движения оказалось достаточно.

— Вы что-то скрываете.

— Я не могу сообщить вам сведения, в достоверности которых не уверен.

— Но вы знаете, где искать?

Он медленно сложил руки на столе.

— В архиве есть ещё один документ. Я не хотел показывать его вам раньше времени.

— Почему?

— Потому что он касается Анны.

Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Вы уже второй день говорите мне, что всё касается Анны. А потом каждый раз оставляете меня с новой загадкой.

— Иногда правда становится опаснее, когда её узнают слишком быстро.

— Для кого? Для меня или для вас?

Генри ничего не ответил.

Я сложила письмо и убрала его в конверт.

— Я хочу увидеть документ.

— Хорошо.

Он поднялся и подошёл к двери, но прежде чем выйти, остановился.

— Мисс Морган, есть ещё кое-что.

— Конечно.

— Не показывайте это письмо Джеймсу.

Я усмехнулась.

— Вы уже говорили мне не доверять Джеймсу.

— Я просил вас быть осторожной. Это не одно и то же.

— А вы чем лучше?

Генри задержал на мне взгляд.

— Я хотя бы не утверждаю, что могу рассказать вам всю правду.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой.

Архив располагался в восточном крыле, за библиотекой. До этого дня я видела только его внешнюю дверь — тяжёлую, тёмную, с латунной ручкой. Теперь Генри открыл её ключом и пропустил меня внутрь.

В помещении пахло пылью, кожей и старой бумагой. Вдоль стен стояли высокие шкафы, а в центре находился длинный стол с зелёным сукном. На нём лежали несколько папок и картонных коробок.

— Александр собирал здесь документы, связанные с историей семьи, — объяснил Генри. — Но в последние годы он начал вести отдельный архив.

— Для чего?

— Не знаю.

Я посмотрела на него.

— Вы действительно очень мало знаете для человека, который двадцать лет ведёт дела этой семьи.

— Вы удивитесь, сколько можно знать о людях и при этом

не понимать, что они делают.

Он достал из шкафа тонкую папку с надписью «Морган. 1976».

Я замерла.

— Почему там моя фамилия?

— Потому что именно так она была указана в первоначальных документах.

Генри положил папку на стол и раскрыл её.

Внутри находились копии свидетельств, несколько рукописных записей и пожелтевшая фотография.

Я узнала её сразу.

Анна.

Она стояла на ступенях Эшфорд-Холла, в светлом платье, с распущенными волосами. Рядом с ней находилась Элеонора. Они обе смотрели прямо в объектив, но выражения их лиц были совершенно разными. Элеонора улыбалась. Анна выглядела так, будто фотография была последним, чего ей хотелось в тот день.

На обороте стояла дата: 3 марта 1976 года.

— День рождения Елизаветы, — сказала я.

Генри кивнул.

— Да.

— Почему здесь фамилия Морган?

— Потому что в тот день Анна ещё носила свою девичью фамилию.

Я посмотрела на него.

— Вы сказали, что она была матерью Елизаветы.

— Так указано в свидетельстве о рождении.

— А в чём сомнения?

Генри достал из папки ещё один лист.

Это была копия медицинского документа. Часть текста была закрыта чёрной полосой, но дата и несколько строк оставались читаемыми.

Я наклонилась ближе.

Пациентка: Элеонора Эшфорд.

Дата: 3 марта 1976 года.

Ниже шла запись, которую я не сразу смогла разобрать.

— Что это?

— Медицинская выписка.

— Я вижу. Почему она находится в папке Анны?

Генри не ответил.

Я снова посмотрела на документ.

— Элеонора родила Елизавету?

— Я не могу утверждать этого.

— Но вы допускаете такую возможность.

— Я допускаю, что в этой семье были обстоятельства, о которых не знали даже те, кто считал себя самыми близкими людьми.

Я почувствовала, как знакомая тревога возвращается.

— Тогда почему матерью Елизаветы в свидетельстве указана Анна?

— Хороший вопрос.

— И вы не знаете ответа?

— У меня есть предположения. Но ни одно из них пока нельзя подтвердить.

Я взяла медицинскую выписку. Внизу стояла подпись врача, а рядом — короткая рукописная пометка.

Ребёнок передан под ответственность А. Морган.

Я перечитала её дважды.

— Передан? — произнесла я.

Генри посмотрел на запись.

— Именно.

— Кому передан?

— Анне.

Я подняла глаза.

— Вы хотите сказать, что Анна забрала Елизавету у Элеоноры?

— Я хочу сказать только то, что написано.

— Но зачем?

— Этого я не знаю.

Я медленно опустилась на стул.

В голове всплыла фотография из медальона: Анна, Элеонора и младенец на руках. Буква Е на одеяле. Дата рождения Елизаветы.

До сих пор я думала, что фотография подтверждает родство двух женщин. Теперь она могла означать нечто совершенно другое.

— Выходит, Анна могла воспитывать ребёнка, которого

родила не она?

— Возможно.

— А потом в документах её назвали матерью?

Генри кивнул.

— Возможно.

Я закрыла глаза.

Если Анна не родила меня, как сказала Марта, если она не была матерью Елизаветы в том смысле, в каком я всегда понимала это слово, то кем она была?

Женщиной, которая воспитывала чужих детей?

Женщиной, которая скрывала чужие тайны?

Или человеком, которому однажды доверили чужую жизнь, а потом обвинили в том, что он её разрушил?

— Есть ещё одна запись, — сказал Генри.

Он вынул из папки небольшой листок.

На нём было всего несколько строк, написанных другим почерком.

Если когда-нибудь возникнет необходимость установить, кто именно родил ребёнка третьего марта, ищите не в документах о рождении. Ищите в документах о выписке.

Подписи не было.

Я посмотрела на Генри.

— Кто это написал?

— Неизвестно.

— Когда?

— Судя по бумаге, примерно в 1998 году.

— Значит, кто-то уже тогда пытался разобраться?

— Или хотел, чтобы мы думали именно так.

Я положила листок рядом с медицинской выпиской.

— Мне нужно поговорить с Элеонорой.

— Не советую.

— Почему?

— Она не любит возвращаться к прошлому.

— А кто здесь его любит?

Генри собрал документы и убрал их обратно в папку.

— Элеонора может сказать вам то, что сама считает правдой. Не обязательно то, что произошло на самом деле.

— Вы говорите о ней так, будто она опасна.

— Я говорю о ней так, будто она прожила слишком долго среди людей, которые привыкли скрывать правду.

Элеонору я нашла в зимнем саду.

Она сидела возле высокого окна, держа в руках чашку чая. За стеклом моросил дождь, и капли медленно стекали по прозрачной поверхности, оставляя тонкие извилистые дорожки.

— Вы искали меня? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да.

— Генри уже показал вам бумаги?

Я остановилась.

— Откуда вы знаете?

— В этом доме новости распространяются быстрее, чем ветер.

Она поставила чашку на блюдце.

— Садитесь, Изабель.

Я не села.

— Элеонора, вы родили Елизавету?

Она медленно повернулась ко мне.

Впервые за всё время я увидела, как с её лица исчезает привычное выражение спокойного превосходства.

— Кто вам это сказал?

— Я спрашиваю вас.

— Вы не понимаете, о чём говорите.

— Тогда объясните.

Она долго смотрела на меня, словно пыталась решить, насколько далеко может зайти.

— В марте 1976 года в этом доме родился ребёнок, — произнесла она наконец. — И с самого первого дня его жизнь была окружена ложью.

— Это была Елизавета?

— Так её назвали.

— А кто её родил?

Элеонора отвела взгляд к окну.

— Вы думаете, что достаточно найти одну подпись, чтобы узнать правду?

— Я думаю, что достаточно перестать от меня её скрывать.

Она тихо усмехнулась.

— Анна тоже так говорила.

— Что с ней произошло?

— Она сделала выбор.

— Какой?

Элеонора посмотрела на меня.

— Она согласилась стать матерью ребёнку, которого не должна была растить.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Елизавете?

— Не только ей.

Я не сразу поняла смысл этих слов.

— Что значит «не только ей»?

Элеонора поднялась. Её движения были медленными, но в них не было слабости.

— Вы пришли сюда искать правду об Анне, Изабель. Но, возможно, вам следовало бы начать с себя.

— Я и пытаюсь.

— Нет. Вы пока ищете женщину, которую потеряли. А вам нужно выяснить, кем вы были до того, как она назвала вас своей дочерью.

Она прошла мимо меня к двери.

— Подождите.

Элеонора остановилась.

— Кто я?

Она не обернулась.

— Этого я не имею права вам говорить.

— Почему?

— Потому что обещала.

— Кому?

Несколько секунд она молчала.

Потом произнесла:

— Вашей матери.

И вышла.

Я осталась одна среди растений, которые казались слишком зелёными для такого серого дня.

Вашей матери.

Не Анне.

Не женщине, которую я называла матерью.

Элеонора произнесла эти слова так, будто между ними существовала разница, которую я должна была понять сама.

Вечером я вернулась в свою комнату и достала письмо Александра.

Мне казалось, что я уже изучила его достаточно внимательно, но теперь взгляд зацепился за то, чего я раньше не заметила.

На нижнем краю листа, почти у самого сгиба, проступали следы чернил. Не основной текст — несколько букв, словно написанных на другом листе, который когда-то лежал сверху.

Я поднесла бумагу к настольной лампе.

Буквы складывались в одно слово.

«Свидетельство».

Я перевернула лист. На обороте ничего не было.

Потом заметила, что в конверте осталась тонкая полос-

ка бумаги. Она была приклеена к внутреннему шву и почти сливалась с его поверхностью.

Я осторожно отделила её.

Это оказался небольшой фрагмент старой фотографии.

На нём виднелась часть женской руки и край детского одеяла. На запястье женщины был серебряный браслет с круглым кулоном.

Тот самый.

Я достала браслет из шкатулки и положила рядом.

Совпадали не только форма и узор. На фотографии отчётливо виднелись две маленькие буквы, выгравированные возле застёжки: «А.Э.».

Я вспомнила слова Джеймса.

Ваша мать носила его в день, когда вы родились.

Теперь я понимала, что он мог говорить буквально: браслет был у Анны в день моего рождения. Но это ничего не объясняло. Напротив, делало всё ещё запутаннее.

Если браслет принадлежал Елизавете, исчезнувшей в 1998 году, почему он оказался у Анны спустя несколько лет?

И почему Александр сохранил фотографию с ним?

Я перевернула фрагмент снимка.

На обороте сохранилась часть надписи:

Не та, кого вы ищете.

Я перечитала эти слова.

Затем перевернула письмо Александра и снова посмотрела на подпись.

Александр Эшфорд.

В этот момент в дверь постучали.

Я быстро убрала фотографию и браслет в шкатулку.

— Войдите.

На пороге стоял Томас.

— Простите, мисс Морган. Я не хотел беспокоить вас так поздно.

— Что-то случилось?

Он посмотрел на коридор, прежде чем войти.

— Я нашёл кое-что в старой комнате мистера Александра.

— Что именно?

— Документ, который, по всей видимости, он пытался спрятать.

— Какой документ?

Томас протянул мне сложенный лист.

Я развернула его.

Это была копия свидетельства о смерти.

Александр Эшфорд.

Дата смерти — год назад.

Но ниже, в графе, где указывались сведения о лице, подтвердившем личность умершего, стояла фамилия, которую я уже видела в архиве.

Морган.

Я подняла глаза.

— Кто подписал этот документ?

— Не знаю, мисс.

— Вы нашли его среди вещей Александра?

— Да. В ящике письменного стола.

Я снова посмотрела на фамилию.

— Здесь нет имени.

— Нет.

— Только фамилия.

Томас кивнул.

— Именно поэтому я решил показать его вам.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

За последние дни фамилия Морган встречалась мне в этом доме слишком часто. В свидетельстве о рождении Елизаветы. В медицинских документах. В письмах Александра. И теперь — в свидетельстве о смерти человека, который пригласил меня сюда после собственной смерти.

— Томас, — тихо спросила я, — кто ещё видел этот документ?

— Никто, мисс. По крайней мере, насколько мне известно.

Я сложила лист.

— Вы уверены, что он настоящий?

— Я не специалист.

— А Генри?

Томас покачал головой.

— Я бы не советовал показывать ему эту бумагу.

— Почему?

Он помедлил.

— Потому что мистер Блэквуд знал о ней ещё до того, как я её нашёл.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Я слышал, как он разговаривал с миссис Элеонорой. Они спорили из-за этого документа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.